

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУНЕТЕ: ДИАЛОГ РЕАЛЬНОСТИ С ВИРТУАЛЬНОСТЬЮ

.....

Э.А. Ганюшкина¹

Статья посвящена анализу трендов и риторики такой разновидности политического дискурса, как исторический дискурс применительно к русскоязычному сегменту Интернета. Описывается также действие механизма идеологического киберпротивостояния с использованием исторического ресурса на примере практик электронного голосования, конструирования виртуальных «мест памяти», производства интернет-контента. Анализируется инициатива по разработке концепции единого учебно-методического комплекса по отечественной истории и возможные последствия её реализации. Автором делается вывод о взаимовлиянии онлайн-оффлайн практик исторической политики и об определенной мере компрессии виртуального массового исторического дискурса на принятие правительственных решений.

Ключевые слова: исторический онлайн-оффлайн дискурс, идеологические кибервойны, историческая политика, краудсорсинг, виртуальный памятный ландшафт.

Виртуальная репрезентация политического дискурса очевидным образом предопределяет его специфику: политика выступает как продукт социальных медиа, или шире — социальных инноваций (social innovations). Сообщества, тематические группы становятся маркерами социально-политической принадлежности группы и одновременно полем для противоборства постмодернистски-расщепленных индивидуальных идентичностей.

Сегодня одним из ключевых общественно-политических спецдискурсов в России является исторический политдискурс, чья концептосфера включает следующие категории: «дискурс прошлого», «политика памяти», «историческая политика», «политизация истории», «битва за прошлое», «мемориальный бум», «мнемополитический дискурс», «исторические войны», «конструирование мест памяти», «проекты памяти». Принципиальным для понимания данной разновидности политического дискурса видится акцент на его центральной категории — феномене исторической политики.

¹ Ганюшкина Элеонора Александровна – соискатель кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Эл. почта: ella.nora2013@ya.ru

На наш взгляд, точкой отсчета современной исторической политики в России следует считать рождение Конституции РФ, законодательно оформившей демократические принципы жизнеустройства (политическое и идеологическое многообразие), а также комплекс либеральных ценностей. Так как в отличие от советского этапа идеологической монополии, где «производство истории» осуществлялось в одностороннем порядке, в постсоветских условиях конструирования новой идентичности и легитимизации демократического режима начинают активно конкурировать различные версии истории — проекты национально-государственной мифологии, включающей набор ценностных ориентиров.

И российскую историческую политику на современном этапе развития следует квалифицировать как специфическую форму взаимодействия субъектов политической коммуникации (групп, государств, индивидуумов) на конкурентной основе в целях продвижения моделей (интерпретаций) прошлого и закрепления их в качестве главенствующих и приоритетных объяснительных схем политических событий. Внутри- и внешнеполитические векторы исторической политики коррелируют с бинарным протеканием в режимах онлайн и оффлайн коммуникации. Налицо дистрибутивный характер исторической политики — наличие каузальной связи с выстраиванием курса национальной, культурной, образовательной, социальной и других сфер политики. Помимо всего прочего, исторический ресурс становится содержательной атрибуцией технологий политического маркетинга, менеджмента и имиджмейкинга. Историческая политика фокусируется вокруг проблемы исторического нарратива (национальной концепции истории): модель интерпретации прошлого — это ядро национальной идеи, ключевой фактор в построении гражданской идентичности, а также источник легитимности правящего режима.

По мнению политолога, основателя неоевразийского движения в России А. Г. Дугина, сегодня мы переживаем период, когда «русское прошлое есть, а внятной русской истории нет» [4, с.262]. Иными словами, постмодернистская инсталляция противоречивых компонентов символического капитала истории, отсутствие целостного метанарратива (понимания единства исторического процесса), лежит в основе кризиса идентичности, детерминирует низкий уровень доверия к власти, аккумулирует этнические конфликты, в конечном счете — играет против национального бренд-имиджа государства, снижая потенциал конкурентоспособности на международном экономическом рынке. Поэтому сегодняшнюю интенсификацию исторической политики следует рассматривать в свете так называемой «культурной терапии», обозначенной в числе императивных задач в одной из предвыборных программных статей президента В. В. Путина («Россия: национальный вопрос» [см. подробнее:12]).

Отметим, что анализ особенностей мнемополитического дискурса, в частности, его виртуальной репрезентации, должен строиться с учетом того, что аккумуляция запаса исторических знаний происходит в трех «очагах» (по М. Ферро) или на трех уровнях:

1-й уровень — институциональный (дискурс политической и интеллектуальной элиты; создание, корректировка, ревизия официальной исторической концепции);

2-й уровень — контрпамять (дискурс оппозиционно настроенных по отношению к официальному режиму и легитимирующему его метанарративу лоббистских групп);

3-й уровень — индивидуально-коллективная память (массовый дискурс, частно-лоббистские интересы).

Риторика 1-го уровня дискурса характеризуется ассиметричным доминированием двух центральных фигур — парламентских партий-конкурентов «Единой Россия» и КПРФ, при этом последнее слово остается за партией власти. Позиции агентов 2-го и 3-го уровней, при всей активности участников в историческом дискурсе и декларируемой руководством страны необходимостью публичного обсуждения проблемных вопросов истории, равноправного диалога и плюрализма мнений, остаются зачастую на периферии при принятии конкретных решений, в частности, мемориальных законов (к примеру, заявление Госдумы РФ «О катынской трагедии и ее жертвах» от 26 ноября 2010 года).

Но в отличие от традиционного механизма лоббирования идеологических проектов через проекты исторические, веб-формат предоставляет существенно больше полномочий для акторов исторической политики, превращая в потенциального субъекта мнемополитического дискурса каждого, кто подключился к глобальной Сети. Так, социальные сети (Vkontakte, Odnoklassniki, Facebook) блог-платформы (Twitter) выступают в роли памятного ландшафта («коммеморативного ландшафта»)², где каждый может попробовать себя в качестве дизайнера «мест памяти» (термин Пьера Нора). И если индивидуальная память носителя символического капитала прошлого не согласуется с символично-ценностным капиталом официальной пропагандируемой историей, продвигаемой в качестве канонической — наблюдается ситуация символического насилия (по Ж. Бурдьё). Тогда конструирование виртуального места памяти (тематической группы или сообщества) дает возможность «спасти» свое прошлое: 1) выстроить идентификационную стратегию на основе воспроизводства в виртуальной форме собственной гипотетической версии прошлого, настоящего и создать на этой основе прогностический образ будущего; 2) используя

² «Коммеморативный ландшафт» - метафорическое определение, предложенное английским историком Дэвидом Лоуэнталем в книге «Прошлое—чужая страна» для характеристики комплекса мемориальных практик, направленных на воспроизводство и сохранение сенсорных образов прошлого с целью мобилизации корпоративной идентичности. [см. подробнее: 8]

механизм краудсорсинга, вместе с другими носителями индивидуальной памяти/эмпатической идентичности, заархивировать воспоминания, партикулярную версию истории — личную и семейную — в виде артефактов, то есть перевести абстрактным воспоминания в материальную форму посредством оцифровки; 3) идеологически солидаризуясь с членами группы- сообщества, перейти к практике оффлайн позиционирования взглядов и мнений (например, организовать мемориальные флешмоб-акции); 4) апеллируя к историческим сюжетам, ретроспективным образам, выражать протестные настроения в онлайн-дискуссиях (в виде комментариев, сообщений, дополняя их видео-контентом).

Показательным в этом отношении является сегмент советских ностальгических сообществ «ЖЖ» («Живого журнала», «Livejournal»), которые, как полагает социолог Р. Абрамов, следует относить к специфическим социально-психологическим практикам, площадкам так называемой альтернативной официальному дискурсу «народной истории» (истории повседневности). Уподобляясь по функциональным признакам интернет-мемам (единицам культурной информации), советские ностальгические сообщества приобретают статус медиавирусов, так как оперативно распространяются, реплицируют себя и влияют на когнитивное восприятие блоггеров. В то же время в контексте постмодернистского состояния общества генезис ностальгических мест памяти в киберпространстве объясняется глобальной тенденцией перехода от национальной политической истории к социальной и культурной. Н. Копосов называет этот феномен реформирования онтолого-аксиологической сущности истории «демократическим поворотом» [7, с.259]. Одновременно виртуальные места памяти-ностальгии — то «месседж» политической и интеллектуальной элите: желание донести до власти идею о необходимости реанимировать символический капитал советской эпохи, который обесценивается в русле общей тенденции десакрализации советских атрибутов-символов и волн «десталинизации общественного сознания» (официально объявленной Михаилом Федотовым, Уполномоченного по правам человека в РФ, в 2010 году [18]). Кроме того, рост спроса и популярности ностальгически ориентированных виртуальных дискуссионных площадок, «мест памяти», интернет-энциклопедий свидетельствует о жизнестойкости в массовом сознании элементов прежней, ныне мозаичной, советской идентичности, таких как: архетипы, идеи, мифы социалистической эпохи. Иллюстрацией данному тезису послужит некоммерческий проект медийного агенства «Notamedia», разработавшего виртуальную книгу воспоминаний под названием «Энциклопедия нашего детства» www.e-n-d.ru специально для тех, чье детство пришлось на 1976-1982 гг. Структуру портала образуют тематические разделы: советское кино, СМИ, игры, наука, школа, спорт, одежда и прочее. Перелистывая страницы виртуальной книги воспоминаний своего детства, читатель заново обретает свою идентичность в медийных реконструкциях, воскрешающих поздний советский период. В многочис-

ленных отсылках к советскому прошлому, ее идеализации и защите советских образов-символов отражается также бытующий в сознании определенной части российских граждан миф о «золотом веке» советской империи, безвозвратно ушедшем и потерянном.

Локализация исторического дискурса вокруг коммеморативного виртуального ландшафта обнаруживает еще одну особенность постмодернистского толка в плане стратегии идентификации посредством «винтажной модели потребления» [1, с.98]. Суть которой заключается в позиционировании себя как члена группы с помощью артефактов (фото, коллекция вещей) при параллельной интериоризации материально-символического капитала других блоггеров с последующим сублимированием «вещного мира» в общий наглядный медиаконтент.

Автономные по природе тематические сообщества-группы, казалось бы, могут продолжать суверенное существование, тогда как линия официального дискурса, в частности академического, будет задана интенциями иных политических игроков. Однако современные реалии показывают определенную меру компрессии массового дискурса на элитарный. Ответом на виртуальный сигнал-послание является артикуляция общественных дискуссий (онлайн и оффлайн) на тему возврата атрибутов-образцов советской эпохи и придание им современного звучания. Так, в августе 2012 года во время кремлевской встречи с региональными уполномоченными по правам человека, президент В. В. Путин акцентировал внимание на проблеме формирования общенационального единства. И, выражая уверенность в творческом потенциале региональных чиновников, обратился с призывом найти альтернативу эпистеме «советский народ»: «например, было такое понятие — советский народ, новая историческая общность». И далее: «Если кто-то предложит нечто подобное в новых условиях — это было бы здорово»[10]. Канализированный массами виртуальный ностальгический дискурс поспособствовал активизации онлайн-оффлайн обсуждений того, какие компоненты советского логоса будут приемлемыми и полезными для сегодняшней реальности. Следует обратить внимание на последовавший ряд идей и предложений со стороны такой видной фигуры в официальной дискурсе, активно поддерживающий про-правительственные инициативы в области исторической политики (в частности, криминализацию сталинского режима и мартирологическую реанимацию ее жертв), как РПЦ. Глава синодального отдела по взаимоотношениям с вооруженными силами и правоохранительными органами Московской области протоирей Димитрий Смирнов посчитал целесообразным вернуть из советской практики налог на бездетность. По мнению протоиерея Смирнова, такая законодательная мера способствовала бы эффективному решению проблем финансовой поддержки малообеспеченных и многодетных семей. И несмотря на то, что подобная идея не нашла поддержки со стороны правящих кругов, ее обсуждение из поля оффлайн-коммуникации зер-

кально отобразилось в веб-формате, где локализовалось в бурный поток производимого многочисленными пользователями социальных сетей контента. Кроме того, опрос на тему адекватности такого закона в современных условиях был проведен в социальных сетях «Вконтакте», «Facebook», «Foursquare», «Linked in Google», «Махпарк». Например, по результатам онлайн-голосования, проходившего с 10.01.2013 по 14.01.2013, в социальной сети «Махпарк», на вопрос согласны ли вы с предложением о введении налога на бездетность, 62% ответили отрицательно, не говоря уже об обилии негативных комментариев, критикующих социально-политические порядки нынешней власти в сравнении с высокой степенью социальной защищенности и гарантий в СССР. Приведем для наглядности небольшой фрагмент ленты комментариев сайта «Махпарк» [15]:

Пользователя аккаунта _Сергей_Балясиков (комментарий от 28 января 2013 года) пишет: «При советской власти, такой налог уже был. Средства от него направлялись на содержание детей-сирот, оставшихся без попечения родителей вследствие Второй мировой войны. Нынешние родители, в основном, просто бросают своих детей или являются деклассированными элементами. Мне кажется, что для таких родителей лучше ввести принудительный труд до совершеннолетия, брошенных ими детей, чем налог за бездетность для всех остальных».

Пользователя аккаунта _Елена_Петрова (комментарий от 27 января 2013 года) пишет:

«Не согласна категорически. Рождаемость нужно стимулировать иначе — уверенностью в том, что сможешь не только родить, но и обеспечить своего ребенка...».

Таким образом, наблюдается нивелирование границ двух параметров коммуникации; при этом действует механизм обратной связи: идеи, рожденные в оффлайновом поле коммуникации, трансформируются в онлайн-голосование, дискуссии. И напротив, интернет-проекты воздействуют на оффлайновые инициативы «сверху».

Думается, в ракурсе спроса на «советское» следует рассматривать и недавнее предложение Алексея Журавлева, депутата Госдумы, члена Совета по миграционным отношениям при президенте РФ о включении в реестр государственных должностных лиц, так называемых «миграционных комиссаров» [13] или омбудсманов. Нетрудно усмотреть аналогию с советским институтом комиссаров.

Еще одним доказательством отклика на тренд жанра персонифицированной микроистории, который находит свое выражение в конструировании виртуального памятного ландшафта, а также попыткой сделать историю более релевантной общественному запросу служит тот факт, что при разработке новой концепции историко-культурного образовательного стандарта, инициированного

партией «Единая Россия» в 2013 году, члены рабочей группы РИО (Российского исторического общества) приняли во внимание целесообразность включения в школьный курс «элементов повседневности» [2]. В опубликованной на официальном сайте РИО актуальной редакции (именно так она позиционируется авторами) нового учебно-методического комплекса по отечественной истории говорится: «Наряду с событийной историей предполагается расширение материала о повседневной жизни людей в различные исторические эпохи» [16]. В целом, специфика государственной исторической политики на сегодняшний день заключается в попытке инкорпорировать в единый общенациональный метанарратив элементы советской традиции с параллельным ребрендингом дореволюционных социально-политических мифов. И если в 90-годы происходила, как пишет И. Н. Тимофеев, «маргинализация идеологических сюжетов, как левого, так и правого толка» [17, с.51], то сейчас мы наблюдаем новый поворотный этап исторической политики. С одной стороны, заимствована ключевая составляющая советской идентичности — военная топика (тема Великой Отечественной войны), которая способствует восстановлению целостности исторической ткани, обеспечивает преемственность традиций, выступает, наконец, патриотическим стержнем нынешней российской модели коллективной идентичности. С другой стороны, содержательные атрибуты символического капитала советской эпохи видоизменяются, превращаясь скорее в симулякры и лишаясь своего ортодоксального значения. Их реконструкция и импортирование в актуальную реальность напоминает действие механизма рефрейминга контекста и содержания в практике нейро-лингвистического программирования. Так, в первом случае сущность предмета не меняется, трансформируются лишь контекст (это мы видим на примере актуализированной военной мифологии), во втором, наоборот, видоизменяется суть предмета (яркая иллюстрация — это трактовка катынских событий). Одновременно фиксируется ренессанс дореволюционной мифологии и обращение к мощному мобилизационному ресурсу историко-культурного характера — христианской топике. Аккумуляция революционных брендов как приоритет стратегии нациестроительства находит воплощение в институциональных практиках и административных мерах государства: по аналогии с существовавшим до Октябрьской революции Русским императорским историческим обществом создается Российское историческое общество, усиливается гражданская роль «рыцарей православия» [6, с.22] казаков (формирование казачьей партии). Все это естественным образом дает основание говорить о проблемном характере исторического дискурса в реальной и виртуальной коммуникациях.

Отметим, что мощным инструментом конструирования виртуального мнемополитического дискурса, вызывающего резонансный эффект в оффлайн-среде, является интернет-голосование или онлайн-опрос общественного мнения по актуальным проблемам истории, ее интерпретации. Остановимся на анализе двух

интернет-проектов: виртуальный опрос «Гудбай, Ленин!» (www.goodbyelenin.ru) и онлайн-голосование «Россия 10» (www.10 Russia.ru).

Стартовавший в 2011 году при поддержке историка, министра культуры РФ, (на тот момент депутата Госдумы) В. Мединского интернет-проект «Гудбай, Ленин!» в преддверии очередной годовщины со дня смерти основателя советского государства был главным образом нацелен на осуществление практических мер по захоронению тела лидера партии большевиков. Охарактеризовав историческую персону Ленина как «спорную политическую фигуру» [9], единокорсс Владимир Мединский прямо указал в официальном интервью сайту «Единой России» на истинные идейные мотивы, побудившие его создать площадку для голосования: «Но главное не тело — главное дух» [там же]. Примечательно, что в центр главной страницы сайта помещен фрагмент текста интервью Мединского с ярко выраженной идеологической окраской. Приведем некоторые выдержки: «Общеизвестно, что сам Ленин не собирался возводить себе никаких мавзолеев, его живые родственники — сестра и брат были категорически против. Они хотели похоронить его в Санкт-Петербурге вместе с матерью, но коммунистам было наплевать на желание и на самого вождя и на его родственников» [14]. Любопытно, что формулировка вопроса голосования исключает альтернативные ответы: вы можете оставить свой голос, нажав на виртуальную кнопку с фразой «Да, я за» или «Нет, я против». Это позволяет усмотреть манипуляционный подтекст виртуального опроса. Если применить структуралистский принцип дешифровки к прочтению данного интернет-проекта, то можно зафиксировать следующую логику. Сайт появился в период предвыборной борьбы (близилась выборы в Госдуму Федерального Собрания РФ VI созыва); при этом идея захоронения была поддержана другими единокорссами. В частности, Ирина Яровая акцентировала внимание на том, что подобная коммеморативная практика не вписывается в «общечеловеческий формат» [11]. Сам же Владимир Мединский высказался о ее «язычески-некрофильской миссии», де-факто уподобляя коммунистов языческим жрецам. Таким образом, на фоне аргументов гуманистической ориентации, подкрепленных ссылками на христианские ценности, снижался авторитет политических оппонентов. Генерирование негативных смысловых коннотаций вокруг фигуры Ленина вкупе с помещением противника в невыгодный ассоциативный контекст (коммунисты как преемники языческо-некрофильской традиции) задавало алгоритм для воздействия на сознание электората, предрешая судьбу предвыборной гонки. Следовательно, частно-лоббистская позиция Мединского, которая все же не была легитимирована официальным руководством — суть дезавуированной электронной агитации и форма идеологической борьбы с политически противником в киберпространстве.

Что касается другого мультимедийного проекта — общенародного конкурса на основе онлайн-голосования «Россия 10», осуществлявшегося с марта по октябрь 2013 года, то он представляет собой партпроект «Единой России» в рам-

как общефедерального социального проекта «Историческая память», реализуемого в 66 регионах страны. Суть конкурса заключалась в отборе 10 историко-культурных памятников — региональных брендов, которые бы стали символами единой и сильной России и инспирировали бы патриотического дух ее граждан. После чего планировалось включить эти символы в сконструированный в Московской области культурно-памятный ландшафт «Парк России». Вполне очевидно, что подобная инициатива правящей партии согласуется с общей бренд-имиджевой стратегией государства — задачей конструирования позитивного имиджа государства, в том числе необходимостью сделать образ страны более привлекательным и в инвестиционном плане для стран-реципиентов на международной арене. Кроме того, по замыслу авторов предполагалась, что участие граждан в подобном мультимедийном проекте будет способствовать росту их патриотических настроений, а на фоне утвержденной федеральной целевой программы «Об укреплении единства российской нации и этнокультурного развития народов» на 2014-2020-е гг., интернет-голосование приобретало особую значимость.

Но по мере реализации такой, казалось бы, духовно-мобилизующей граждан правительственной инициативы обнаружился подтекст одной из главных, нерешенных острых проблем исторической и шире — национальной политики. Речь идет о дефиците толерантности в российском обществе, низком уровне этнокультурной эмпатии. И в связи с этим интернет-голосование наряду с аллокацией в смс-голосование вылилось в интенсивную идеологическую виртуальную войну. Прохождение конкурса в три этапа обусловило электронную эскалацию идеологических фронтов интернет-войны. Центральными фигурами противостояния стали про-националистический сегмент социальных сетей Рунета, олицетворяющий так называемую «русскость» и этноконфессиональный (мусульманский) локальный сегмент Рунета, поддерживающий так называемую «кадыровщину». Тогда как инструментом политического манипулирования в интернет-борьбе выступили Коломенский кремль и мечеть «Сердце Чечни». Призыв проявить активность содержался в посте президент Чеченской Республики Рамзана Кадырова, запись в аккаунте одной из социальной сети гласила: «Она [мечеть] в сердце каждого из нас, она зовет к себе, она воодушевляет нас, она стала символом возрождения Чечни и новой России!» [3]. Любопытно, что в пропагандистский дискурс включился религиозный деятель Чеченской республики, первый заместитель муфтия Магомет Хийтанаев, апеллировавший к сюжету Судного дня, описанного в священной книге мусульман Коране: «каждая копейка, потраченная в голосовании за исламскую святыню, перед Всевышним подобна многократной милостыне. И как же будут счастливы в Судный день те, кто не жалел на этом пути сил, времени и денег» [там же]. Националистические акторы идеологического дискурса сконцентрировали свою позицию вокруг темы ущемления русского народа, критикуя нынешний режим власти. Обратим внимание на то, что в националистических постах (комментариях, сообщениях) встречаются

многочисленные исторические реминисценции, налицо политизация истории. Прочитируем для наглядности запись из социальной сети «ВКонтакте» одного из акторов дискурса: «символы их новоиспеченные уже нашу архитектуру, которая впитала всю славу и боль столетий затмевают... Русские, как говорится, долго запрягают, да быстро едут. Глядишь, и Кузьма Минин сыщется где-нибудь» [там же]. Этот пример дает нам основания полагать, что оперирование историей со стороны националистически настроенных участников виртуальной коммуникации оборачивается грубым фальсифицированием сюжетов, подтасовкой фактов. Направлена эта манипуляция прежде всего на формирование образа Другого как общероссийского «врага».

Приведенные примеры показывают, что электронное голосование в рамках исторической политики способно быть одним из альтернативных способов электронной пропаганды и агитации. Так как, зачастую сама процедура голосования коррелирует с целенаправленно моделируемым информационно-идеологическим сопровождением. В частности, с целью повлиять на электоральное поведение, используется такой распространенный прием политической манипуляции, как мнение авторитетных лиц.

Наконец, значимой для определения координат развития нынешнего исторического дискурса в режиме онлайн и офлайн-коммуникации является практическая реализация идейного замысла президента В. В. Путина о необходимости разработать концепцию единого учебно-методического комплекса по отечественной истории. Подготовленный членами рабочей группы РИО общенациональный учебник призван, как сказано в тексте пояснительной записки к нему, «исключить возможность возникновения внутренних противоречий и взаимоисключающих трактовок исторических событий» [16]. Соответственно, те версии или модели интерпретации истории, которые органически не вписываются в официально утвержденную концепцию, приобретают статус маргинальных исторических сюжетов, а значит и авторитет их носителей естественным образом снижается. Вполне закономерно, что появление концепции вызвало ее неприятия оппонентами официального дискурса. Противники концепции видят в ней риск политизации истории, закрепление выгодного правящей партии идеологического метанарратива. В частности, такой участник исторического дискурса, оппонент идеи концепции, как Комитет гражданских инициатив, опубликовал на сайте заявление, где говорится о том, что утверждение единого учебника «может стать еще одним источником конфликта и раскола общества» [5] и никак не согласуется с принципом вариативности содержания образовательных программ юридически закрепленным «Законом об образовании». Но что важно, принцип унификации и единообразия распространяется и на киберпространство. Учебно-методический интернет-стандарт, структурированный в парадигме краудсорсинговой схемы экспертной работы, должен по общему замыслу авторов концепции стать навигатором для учащегося в хаотично организованном

массиве исторического контента в Рунете. С. Шахрай, председатель РИО, так описал методику создания онлайн-пособия для учащихся. Работа ведется в три этапа: 1) сбор и обработка массива информации с последующим переводом наработок в веб-форму; 2) предварительная интернет-апробация текста. 3) действие механизма обратной связи, когда апробированный интернет-учебник преобразуется в традиционный печатный формат. Однако столь популярный в демократической практике развитых западных странах метод краудсорсинга, в контексте российских реалий может иметь совсем иное звучание и быть лишь формализованной процедурой технологического характера, не страхуя отечественную историю от конъюнктурного политического интерпретирования. Нет гарантии того, что неудобный контент, не вписывающийся в идеологический фрейм единого учебника (будь то конструктивное замечание/предложение или логически обоснованный комментарий), производимый актором исторической политики в ходе технологии совместной работы, не проигнорируется модераторами и так и не останется идеей в воздухе.

Подводя итоги, можно констатировать, что нивелирование взаимоисключающих версий прочтения прошлого в рамках общей повествовательной конструкции, соответствующей стилистике официального политического дискурса и ориентированной на поддержание устойчивости органов власти, не снимает проблему мемориальных войн. И носители контрпамяти, то есть оппоненты официального дискурса — будь то партии, общественно-политические силы или частно-гражданские лобби — продолжают популяризировать в режиме онлайн и оффлайн коммуникации свои собственные мифологические модели интерпретации истории. Не говоря уже о том, что в киберпространстве, проявляя определенную степень интернет-активности, можно не только оккупировать виртуальные территории и спроектировать памятный ландшафт или с помощью потока контента дискредитировать исторические образы-символы конкурента, но и посредством организованной сетевой кампании выразить протест. При этом общественный резонанс от выраженного протеста способен оказать давление на принятие правительственных решений. Таким образом, в виртуальной среде продуцировать исторические смыслы куда проще и легче, ведь достаточно оцифровать идею и преобразовать ее в контент.

Библиографический список:

1. *Абрамов Р.Н.* «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // *Inter*. № 6. 2011.
2. Александр Агарев: надо наполнить курс русской истории многообразием лиц и судеб. URL: <http://ryazan.er.ru/news/2013/7/12/aleksandr-agarev-nado-napolnit-kurs-russkoj-istorii-mnogoobraziem-lic-i-sudeb/>
3. Грозненская мечеть вышла на первое место в конкурсе символов. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/08/16/heartof/>

4. *Дугин А. Г.* Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический Проект; Трикста, 2010.
5. Заявление КГИ об общенациональном учебнике истории. URL: <http://www.komitetgi.ru/news/news/434/#.UmfSZx-Gip0>
6. «Казак — это не национальность, это рыцарь православия». Нагайка на страже улиц российских городов // *Власть*, 2012, № 46.
7. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
8. *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна. М.: Русский остров, 2004.
9. Мединский: тело Ленина пора выносить из мавзолея. URL: <http://er.ru/18/0804/>
10. Омбудсмены и пустота. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-08-17/1_ombudsmeny.html
11. Предвыборный спор о Ленине. URL: <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3150775/>
12. *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. 23.01.2012.
13. Путину предложат создать должность миграционного омбудсмена. URL: <http://izvestia.ru/news/558971>
14. Сайт онлайн-голосования «Гудбай, Ленин!». URL: <http://www.goodbyelenin.ru>
15. Согласны ли вы с предложением о введении налога на бездетность? URL: <http://maxpark.com/community/3376/content/1788312>
16. Текст концепции единого учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: http://rushistory.org/?page_id=1462
17. *Тимофеев И. Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. №3 (12).
18. Федотов обозначил приоритеты Совета по правам человека. URL: <http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=159653>

Статья поступила в редакцию 10.09.2013.

.....

POLITICAL DIMENSION OF HISTORICAL DISCOURSE ON RUNET: DIALOGUE OF REAL WITH VIRTUAL

E. A. Ganiushkina

Ganiushkina, Eleonora Aleksandrovna is an extra-mural PhD degree seeker at the chair of political science and political administration, Russian Academy for economy and public administration.
E-mail: ella.nora2013@ya.ru.

The article is devoted to analysis of the trends and rhetoric of such a species of political discourse like historical discourse applied to the Russian part of Internet. Also the mechanics of ideological cyber confrontation using historic resource is described in terms of e-voting practices, building virtual realms of memory, and web content. The initiative is analyzed on developing conceptual teaching materials on domestic history as well as its possible aftermaths. Certain compression of virtual mass historical discourse and mutual interference of online/offline practices in public decision making are concluded by the author.

Key words: historical online/offline discourse, ideological cyber wars; historic politics; crowdsourcing; virtual spaces of realm.

References:

1. *Abramov, R. N.* "Sovetskiy cherdak" rossiyskoy blogosfery: analiz nostal'gicheskikh virtual'nykh soobshchestv [Soviet attic of the Russian blogosphere], *Inter*, No. 6, 2011
2. Aleksandr Agarev: nado napolnit' kurs russkoy istorii mnogoobraziem lits i sudeb [Aleksandr Agarev: it is necessary to add to the course on Russian history the variety of faces and fates], <http://ryazan.er.ru/news/2013/7/12/aleksandr-agarev-nado-napolnit-kurs-russkoj-istorii-mnogoobraziem-lic-i-sudeb/>
3. Groznenskaya mechet' vyshla na pervoe mesto v konkurse simvolov [The Grozny mosque became the leader of symbols' competition], <http://lenta.ru/articles/2013/08/16/heartof/>
4. *Dugin, A. G.*, Logos i mifos. Sotsiologiya glubin [Logos and Mythos. The sociology of depths], Moscow, Akademicheskiy Proekt, Triksa, 2010
5. Zayavlenie KGI ob obshchenatsional'nom uchebnike istorii [Petition of the Committee of Civil Initiatives on the new book on history], <http://www.komitetgi.ru/news/news/434/#.UmfsZx-Gip0>
6. "Kazak — eto ne natsional'nost', to rytsar' pravoslaviya". Nagayka na strazhe ulits rossiyskikh gorodov [A Cossack is not a nationality but a knight of Orthodoxy. A whip on look-out for the streets of the Russian towns], *Vlast'*, 2012, No. 46
7. *Koposov, N.* Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii [The memory of maximum custody type: the history and the politics in Russia], Moscow, Novoe Literaturnoe obozrenie, 2011
8. *Lowenthal, D.* Proshloe — chuzhaya strana [The Past is a Foreign Country], Moscow, Russkiy ostrov, 2004
9. Medinskiy: telo Lenina pora vynosit' iz mavzoleya [Medinsky: It's about time to put Lenin's body out of the Mausoleum], <http://er.ru/18/0804/>
10. Ombudsmeny i pustota [Ombudsmen and emptiness], http://www.ng.ru/politics/2012-08-17/1_ombudsmeny.html
11. Predvybornyy spor o Lenine [Pre-election disputes about Lenin], <http://www.izvestia.ru/obshchestvo/article3150775/>
12. *Putin, V.V.* Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: national problem], *Nezavisimaya gazeta*, 23 Jan. 2012
13. Putinu predlozhat sozdat' dolzhnost' migratsionnogo ombudsmena [Putin will be proposed to set a migration ombudsman position], <http://izvestia.ru/news/558971>
14. Sayt onlayn-golosovaniya "Gudbay, Lenin!" [Goodbye Lenin online voting], <http://www.goodbyelenin.ru>
15. Soglasny li vy s predlozheniem o vvedenii naloga na bezdetnost'? [Do you agree with childlessness taxation initiative?], <http://maxpark.com/community/3376/content/1788312>
16. Tekst kontseptsii edinogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii [The concept text of the unified teaching material on domestic history], http://rushistory.org/?page_id=1462
17. *Timofeev, I. N.*, Rossiyskaya politicheskaya identichnost' skvoz' prizmu interpretatsii istorii [Russian political identity through the prism of history interpretation], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, No.3 (12)
18. Fedotov oboznachil priority Soveta po pravam cheloveka [Mr. Fedotov marked the Human right council priorities], <http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=159653>